

Кузнецов И.Д. К вопросу о мировоззрении К. Иванова : [анализ произведений] / И. Д. Кузнецов // Классик чувашской поэзии : сб. ст., посвящ. 75-летию К. В. Иванова. — Чебоксары : Чуваш. Кн. изд-во, 1966. — С. 10-24.

*И. Д. КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук*

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ К. В. ИВАНОВА

Классик чувашской поэзии и признанный мастер чувашского литературного языка К. В. Иванов был учеником И. Я. Яковлева. Однако в своем мировоззрении он опередил Яковлева, так как учился не только у него, но и у передовой молодежи своего поколения, революционно-демократической интеллигенции, идейно примыкая к ней. Этот вопрос заслуживает особого внимания.

Ныне все согласны с тем, что К. В. Иванов был поэтом-демократом, носителем гуманизма, патриотом. Общеизвестна и роль И. Я. Яковлева как просветителя чувашского народа. Именно просветительскими взглядами И. Я. Яковлева объясняется его большое внимание к изданию поэмы К. В. Иванова «Нарспи». Как художник, К. В. Иванов был реалистом и учился у классиков русской и мировой литературы.

Общественная обстановка в годы творческой деятельности К. В. Иванова (подавление народной революции и начавшаяся вслед за этим реакция), мирно-обновленческая позиция И. Я. Яковлева, наконец, разжигание националистических страстей покаявшимися в «грехах» революции социалистами-революционерами не дали К. В. Иванову достаточных условий для выхода на путь революционной борьбы и пропаганды. Но замечательно то, что К. В. Иванов не увяз в болоте пессимизма и упадочничества, декаденства, не отказался от борьбы за народное дело.

Дни столыпинской реакции располагали многих из интеллигенции больше к унынию, чем к оптимизму. Не

люди стали Человеками. Чувашаи издревле говорили, что людей много, а человекoв мало. Ясно, что oдного призыва к разуму тут недостаточно.

Неправ С. С. Спиридонов, когда он в своей книге «Мировоззрение чувашского поэта-демократа К. В. Иванова» (Чувашгиз, 1957) пишет, что поэт якобы «беспощадно критикуя строй социальной несправедливости, призывал народ к свержению старого строя и установлению нового, отвечающего интересам и потребностям народа» (с. 4).

Никаких призывов к свержению несправедливого строя у него не было и не могло быть, поскольку он не порвал с идеями мирного преобразования жизни путем пропаганды разума, т. е. не вышел из рамок рационализма и хотел поставить разум выше окружающего социального бытия.

Явным преувеличением звучит и такое высказывание автора книги, что К. В. Иванов «в своей поэзии воспел освободительное движение чувашского народа как против колонизаторской политики царизма, так и против национальных эксплуататоров и туенядцев» (с. 17). Мы проследили все значительное, что есть в наследстве поэта, и не находим этого.

Не обоснованы также слова автора о том, что «Иванов резко выступает против антинародных несправедливых войн» (с. 23). Аргумент? Вот он: «Свою ненависть к захватническим войнам Иванов выразил кратко и ясно дневниковой записью: «Война—страшная вещь». Но эта запись ничуть не дает основания для такой оценки позиции Иванова по отношению к захватническим войнам. Вместе с тем надо подчеркнуть, что К. В. Иванову не были чужды идеи борьбы со злом, с социальной несправедливостью.

Нет никакой необходимости в том, чтобы модернизировать мировоззрение К. В. Иванова. Оно достаточно значимо без всякой утрировки и домьслов, исторически значительно в том виде, в каком оно есть. Поэтому был прав Г. М. Титов, указавший на такого рода легковесность в подходе к оценке мировоззрения и творчества К. В. Иванова («Советская Чувашия», 1958, 106). Но Г. М. Титов набрасывает тень на К. В. Иванова с другой стороны. Он пытается безосновательно отрицать то, что поэт относился к передовым мыслите-

лям своего времени, аргументируя это тем, что раз в России появился марксизм, то «все другие направления общественной мысли, в сравнении с этим учением, уже не могут рассматриваться, как подлинно передовые». Словечками «в сравнении» и «подлинно» Г. М. Титов хочет отвергнуть то, что Спиридонов считает идеи К. В. Иванова передовыми не по сравнению с марксизмом, а по сравнению со многими его предшественниками и современниками в Чувашии, разделявшими взгляды отнюдь не демократические, а либеральные и даже открыто реакционные (разве не было тогда черносотенных организаций в чувашских уездах?). Да и в сравнении с идеологией эсеров-националистов идеология К. В. Иванова была бесспорно передовой, близкой к идеям революционных демократов-хыбаровцев. Подходить же иначе значило поставить крест на все прогрессивное, что было в общественной мысли Чувашии того времени и что способствовало распространению марксизма в народе. Неверна критика Титовым и тезиса Спиридонова о том, что К. В. Иванов прямо примыкал к революционно-демократическому направлению. Это — факт. Против этого можно возражать лишь исходя из отождествления революционеров-демократов с большевиками. Нет, это не одно и то же. Революционные демократы — это не большевики, а их революционные союзники из чувашского крестьянства в период буржуазно-демократической революции. Лишь одиночки из них (как Тайр Тимки) доросли до понимания идеи диктатуры пролетариата. Тем не менее они были подлинными революционерами своего времени.

Характеризуя воспроизводство жизни в антагонистических обществах, в свое время К. Маркс писал:

«В той же самой мере, в какой человечество становится властелином природы, человек попадает в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости» (Соч., т. 21, стр. 177).

К. В. Иванов подошел к пониманию этой трагедии истории человечества в период капитализма на реальных фактах жизни чувашского народа.

Классик чувашской поэзии К. В. Иванов входит в историю своего народа как видный мыслитель своего времени, поднявший знамя разума против культа капи-

тала, из всех пор когорого сочилась кровь угнетенного люда, сочилась грязь, омрачавшая отношения между людьми, призванными стать властелинами природы, властелинами своей судьбы.

Победа социализма в нашей стране — образец живого воплощения гуманных идеалов прогрессивных людей всей России, в том числе и К. В. Иванова, — победа разума Человека. Его же творения сохраняются в сокровищнице интернациональной культуры.

случайны среди произведений Иванова такие грустные строки (1907 г.), представленные в виде дум старого леса:

От тяжелых мук и горя
Погружаюсь я в раздумье:
Где ты, время золотое?
Где вы, годы молодые?
Юность светлая, дни счастья
Миновали сном прекрасным.
А теперь — одни страданья
Тучей черной надо мною¹.

Но это было у К. В. Иванова настроением преходящим, он поборол в себе мрачные сомнения. Он рос и мужал как творец, будучи, с одной стороны, близким И. Я. Яковлеву, с другой, — находясь в общении со своими друзьями, в числе которых были и уволенные с учительской работы революционеры-демократы (Н. Ф. Беляев, Ф. Н. Сергеев) и молодые его соратники Н. В. Васильев, Ф. П. Павлов и др.

Мировоззрение К. В. Иванова было материалистическим, но с пережитками внеклассового рассмотрения человека. Однако близко знакомый с литературно-философским наследием Чернышевского (в частности, с романом «Что делать?») и других русских революционных демократов 60-х годов, К. В. Иванов приближался к материалистическому пониманию общества. Лейтмотивом его поэмы «Нарспи» является ясно сформулированное философское положение:

Сака̄ сута̄ тѣнчере
Вайли сук та этемрен:
Шывсем синче, сѣр синче
Х, са пулса вай тарать.
А чах вайла̄ этем те
Х, с тенчине паханать.
М, лала эрехех

Нет сильнее человека
В светлом мире никого:
Он на суше и на водах
Выступает как хозяин.
Но и сильный человек
Все же миру подчинен.
Чистоганом и вином

сран каларать (с. 144). С ума его сбивают.

(Подстрочный перевод наш.—И. К.)

Эт место поэмы не совсем точно передано в пере-
Б Иренина (ЧГИЗ, 1948, с. 10) и в академическом

стантин Иванов. Собрание сочинений. Чебоксары,
4 В дальнейшем все ссылки на К. Иванова, кроме ого-
ез приводятся по этому изданию

издании в переводе П. Хузангая (ЧГИЗ, 1957, с. 145). Поэтому мы даем текст в подстрочном переводе.)

Здесь К. В. Иванов достаточно четко высказывает мысль о том, что, хотя человек и силен, но он — не Робинзон на необитаемом острове, а существо общественное, зависимое от своего мира. Его разум, воля и намерения, его чувства подчинены общественному бытию, общественному мнению. В данном случае в поэме разум выступает бессильным перед деньгами и водкою: чувашская деревня тоже находилась во власти денег.

Очень часто поэма «Нарспи» толкуется просто как отражение подневольного положения чувашской женщины. При этом забывается, что речь идет не только о положении женщины (кстати сказать, в чувашском быту она никогда не была хӑрхӑм — рабыней), но о власти денег над волей и разумом человека, безразлично — женщина это или мужчина.

Общественное бытие определяет общественное сознание и подчиняет себе волю и поведение отдельных людей — таков глубокий философский смысл поэмы, до сих пор как следует не раскрытый. Мы сказали о том, что К. В. Иванов пошел дальше своего учителя И. Я. Яковлева и заставил его по существу согласиться с собою именно в этой важнейшей идее. Если И. Я. Яковлев ставил разум выше общественного бытия и верил, что путем просвещения можно переделать мир на справедливых началах, то Иванов ясно показал, что сам по себе разум немощен, коли общественное бытие сковало его цепями чистогана, нещадно уродующего сознание людей, сводящего их с ума.

Сюжет поэмы «Нарспи» в кратких чертах таков.

У богача Мигедера росла любимая дочь Нарспи. Он хочет осчастливить ее, выдав замуж за богача Тахтамана. Но Нарспи любит бедняка Сетнера, у которого нет ничего, кроме матери, коня и своих собственных рук. Идет свадьба. Нарспи убегает с Сетнером в лес. Их разыскали, вернули и избili. Нарспи — жена Тахтамана. Тот узнал, что она не любит его, а любит Сетнера, и часто избивает ее. Нарспи отравляет мужа и бежит в лес. Об этом узнает весь народ. Сетнер бежит навстречу Нарспи, находит ее, они приходят к матери Сетнера. В поисках приходят к ним Мигедер и мать Нарспи, уговаривают ее вернуться домой, пока еще

не совсем поздно найти другого богатого жениха: Нарспи отказывается наотрез. Родители уходят и в ту же ночь погибают у себя дома от рук разбойников. Вместе с ними погибает и Сетнер, прибежавший на выручку родителей Нарспи. Затем погибает и Нарспи: она удавилась в лесу.

Нарспи перед выданьем замуж спрашивает Сетнера:

«Ах, Сетнер, Сетнер, скажи ты:
Куда идти и что делать?»

Сетнер отвечает:

«Голова есть удалая,
Конь есть, славный ургамах,
Есть с горячей кровью сердце,
Да еще старуха мать;
Есть, что мне всего дороже:
Ты, кого я так любил,
Но тебя ведь сегодня
Умыкает наш злой враг.
Погубить врага я смог бы,—
Есть пара сильных рук.
Но если я его уничтожу,
Есть злой мир — куда страшнее»
(с. с. 158—161).

(Перевод П. Хузангая с нашими поправками.—И. К.)

К плачу невесты на свадьбе поэт Иванов добавляет:

Кабы крылья ей — вспорхнула б,
Улетела далеко.

Значит, от мира людей некуда убежать, но он невыносим для жизни героев.

Поэт не раз описывает трагические факты на фоне спокойного сна народа в ночной тиши, однако это нельзя понимать в том смысле, что народ совсем безучастен к судьбе Нарспи и Сетнера:

Блгга өткөй ун сүмчөп
Урда-ягым кала-сүрөт.
Төстөр аска сымсем те
Кутуп-пуспе тунмарөс.
Нарспи кайрө ют сөре,
Сетнер юлчө кайлах —
Ашмө сирө хай хернех
Таван сирө таванах

Много люди говорили,
Толковали так и сяк,
Но даже самые мудрые
Не нашли тут, что к чему.
Нарспи ушла на чужбину,
А Сетнер ни с чем остался,
Отец сгубил дочь родную,
Родной сгубил родного.

(с. 198).

(Подстрочный перевод наш.—И. К.)

Это весьма характерно в том отношении, что К. В. Иванов стремился показать, как денежный кумир рвет патриархальные семейные узы. Мигедер вовсе не показан как деспот в семье, он и не продает свою дочь, которую любит, а хочет только осчастливить ее, выдав замуж за богача. В том именно и сила поэта, что он без всякой подсказки раскрывает диалектику добрых намерений и злых последствий.

Пошел слух в народе и о том, что Тахтаман издается над Нарспи:

Ялти сынсем хушшинче
 Текех самах саралать.
 Сапли-капли савă сав:
 Ун пек нумай тэнчере;
 Чылай усал ёс пулать
 Варттан сёрте тётёмре.
 Атте-анне хай хёрне
 Юратса сес үстерет.
 Хёртен арәм пулсассан,
 Ват упашка күлешет.
 Тупрё пуха упашка
 Атте-анне хай хёрне,
 Анчах унта мён усси —
 Юратмасап пер-перне?
 Тату, ыра, килёшсе
 Иккёш перле пурянсан,
 Сёр хут ытла телейлё
 Юрля сын та пуянран...

Все растет дурная слава,
 Слух худой среди селян.
 — То-то и оно-то..
 Нет числа таким делам,
 Ведь во тьме и втайне
 Зло немалое творится.
 Холят, любят и лелеют
 Дочь свою отец и мать;
 Замуж выдадут — муж старый
 Начинает ревновать.
 Вот нашли для дочки мужа —
 Богатея мать с отцом.
 Но, коль нет любви меж ними,
 То какая польза в том?
 А когда чега в согласье
 И в любви — пускай бедна, —
 Все равно живет счастливей
 Богача стократ она

с.с. 212—215).

(Перевод Хузангая с нашими поправками.— И. К.)

Счастье не в богатстве, не в деньгах, а в согласии, в любви и труде, бедность не порок — такова мысль поэта.

Поэт противопоставляет слепому преклонению перед денежным кумиром разум. Нарспи, избравшая отравление Тахтамана вместо самоубийства, объясняет все свои беды и несчастья именно неразумием отца и матери, ослепленных богатством.

Тот же мотив проходит в необычайно грустной песне Сетнера:

«Знать на муки, на страданья
 Породила мать меня.
 И от этих мук, терзаний
 Гибнет молодость моя.
 Не погибла бы, да бедность,
 Погубила ведь меня.

Бедность — ладно б, да людской
Глупости нет конца.
Ничего б и неразумность,
Да нашелся недруг злой.
Не помеха б враг, да, видно,
Суждено так на роду».
(с.с. 236—237).

(Перевод Хузангая с нашими поправками.— И. К.)

Характерно то, что и в предсказаниях ёмзи (знахаря) матери Сетнера и в словах самого Сетнера поэт не скатывается к фатализму, а опять-таки непосредственно связывает судьбу человека с общественным бытием и сознанием.

В споре Мигедера с Нарспи в избушке Сетнера открыто выражается мысль, что счастье не в деньгах, не в богатстве. Даже сам Мигедер признает, что его богатство оказалось бессильным («пулӑшмарӑ пуянлӑх») перед волей своей дочери. А Нарспи отвечает:

Не в богатстве благо; благо—
в человеке, в нем самом.
(с. 247).

И зачем ты дочь родную
Волку жадному отдал?
Все свое блаженство, счастье
Ты в одних деньгах искал...
(с. 251).

Наконец, поэт строит сюжет поэмы так, что все богатство Мигедера и он сам погибли за одну ночь:

Мигедер убит. Богатство
Все забрали начисто.
Лютые воры — разбойники
Бога-то не побоялись!
(Подстрочный перевод наш.—
И. К.)

После гибели Нарспи поэт говорит:

Так прошла ее жизнь,
Погибла она молодой,
От глупости отца и матери,
Погибла, от горя и печали.
(с.с. 258 и 260).
(Подстрочный перевод наш.—
И. К.)

К. В. Иванов не раз бичевал развращающее влияние денежных отношений, денежного фетишизма, пришедшего в народ вместе с капитализмом. В набросках трагедии в 3-х действиях «Раб дьявола», сочиненной на основе народного рассказа, К. В. Иванов также критикует ослепление людей деньгами и борьбу из-за них между родными братьями, изображая это как дьявольское наваждение. Старший брат пронзил копьем младшего брата из-за денежной мощи и, приплясывая, говорит.

«Что мне в жизни нужно было?
Деньги! Деньги! Вот они!
Деньги есть — богатство есть,
Что ж другое надобно?
Звонким золотом владею,
Богач первый на селе!..
(с.с. 90—91).

(Перевод Хузангая с нашими поправками.—И. К.)

Но его тут же схватывает дьявол и душит, забирая мощну себе; раздается грозный хохот, сотрясая мирозданье, омрачая весь свет; кажется, что он собирается напугать весь мир.

А младший брат, еще живой, кается перед смертью, что поклонялся деньгам, и говорит, молясь богу за старшего брата:

«Просвети ему ты разум,
Дабы зла не натворил он,
Ты очисти его, чтоб честно
Он за братьев воевал;
В битву правую ведя,
Закали ему ты сердце,
Чтоб, сражаясь за родных,
Смог вину он искупить.
Брат мой, брат! Подобно мне
Не останься ты слепым.
Оглянись же, брат, пойми ты,
Что за люди были мы?!
Страсть одну мы знали: деньги,
Золото и серебро,
Ради них губя людей,
Из людских страданий, слез
Выжимали мы богатство.
Накопили мы добро
Лишь для блага своего.
Но накопленного нам,
Ненасытным, было мало
Началась война... И вот,
Чтобы, грабя здесь убитых,

Приумножить наши деньги,
Мы пришли на поле боя.
Мать рыдала, провожая,
В нас недоброе почуяв;
На полу она валялась
Вся в слезах передо мною:
«Не ходи, мой сын, погубишь
Ты головушку свою,
Не дури ты ради денег,
Будь доволен тем, что есть...»
(с.с. 95 и 97).

(Перевод Хузангая с нашей поправкой.—И. К.)

Как видим, здесь разум опять-таки противопоставляется деньгам, сводящим людей с ума, вносящим в людскую среду братоубийственный антагонизм и вражду.

В стихотворении «Голодные» К. В. Иванов, как бы развивая дальше идею стихотворения «Хура халăх» Ф. Н. Николаева (Сергеева), опубликованного в газете «Хыпар», изображает бедствия крестьянских масс зависящими не от пѹлѹха (бога), а от людей, показывает и то, что при хронической голодовке крестьян неизбежно отчаянье. Устами рассказчика-старика поэт говорит:

«Так вот, сынок, с голодухи
Люди и с ума сходят.
Если совсем есть нечего,
то на разбой они ходят.
Кто, рехнувшись, поневоле
Кладет на стол ворону,
Кто, как серый волк средь поля,
С голодухи помирает».
(с.с. 104—106).

(Перевод Хузангая с нашими поправками.—И. К.)

До сих пор не получило достойной интерпретации одно из самых первых и самых важных произведений К. В. Иванова, совершенно ясно выражающее умонастроение молодого поэта в дни первой народной революции в России. Мы имеем в виду песню «Вставай, подымайся...» Эта песня пока толкуется только как некое упражнение К. В. Иванова в переводе русских песен, как попытка передать на чувашском языке «Крестьянскую марсельезу» («Крестьянскую песню»). В со-

брани сочинений К. В. Иванова, изданном в 1957 году, комментаторы ограничились указанием, что эта «песня представляет вариант (отрывок) «Марсельезы», ставшей широко популярной в годы первой русской революции как «Крестьянская марсельеза» (см. стр. 386—387). Видимо, поэтому текст Иванова не был дан на русском языке.

Не требуется особо пристального внимания для того, чтобы установить, что песня, написанная К. В. Ивановым в октябре 1906 г., представляет собою нечто большее, нежели перевод отрывка из русской «Крестьянской марсельезы». Вот что написал К. В. Иванов:

ВСТАВАЙ, ПОДЫМАЙСЯ

Отпустили чернь на волю.
Девятнадцатого февраля,
Но земля не досталась народу,—
Вот вам и милость дворян!

Вставай, подымайся, чувашский народ!
Встань на войну, люд голодный!
Пусть народ ненависть покажет свою!
Вперед, вперед, вперед!

Крестьяне без земли изнывают,
Дворяне очень рады тому:
Безземельных крестьян нанимают
За бесценок на барщину свою.

Вставай...

Да, несомненно тут налицо подражание русским марсельезам, основные тексты написаны в подражание «Крестьянской марсельезе», боевой припев — в подражание «Рабочей марсельезе». Именно подражание, или же вольный, а не точный перевод. Это особо рельефно выражено в припеве.

«Вставай, подымайся, чувашский народ!
Встань на войну, люд голодный!..»

Как можно было более ясно выразить призыв к чувашскому народу к освободительной борьбе в дни народной революции в России? Само по себе символично то, что поэт призывает чувашский люд голодный встать на войну против господ-угнетателей в унисон с призывом рабочей марсельезы. Можно ли отрицать, что в этом

отразилось настроение солидарности всех угнетенных с рабочим классом? Невозможно. Можно ли отрицать благотворное влияние русской революционной поэзии на чувашскую учащуюся молодежь? Невозможно. Налицо ее творческое влияние, влияние достаточно глубокое, столь прочное, что оно уберегло чувашскую крестьянско-демократическую молодежь от упадочничества и разложения в мрачные годы столыпинской реакции. К. В. Иванов в поэме «Нарспи» ясно высказал свое осуждение рабской психологии, культа чистогана, свое сожаление по поводу одиночества Сетнера, безуспешности поединков против власти чистогана.

Идейное кредо К. В. Иванова четко и ясно выражено в его стихотворении, посвященном 40-летию Симбирской чувашской школы и 60-летию И. Я. Яковлева, написанном к 28 октября 1908 г. Называется оно «Хальхи самана» («Современность»). Заметим, что точно под таким названием хыбаровцы издали в 1906 г. статью, а затем брошюру, имевшую, как оценил Н. И. Ашмарин, ярко революционный, противоправительственный характер.

«Хальхи самана» К. В. Иванова не выходит из рамок мирных национально-освободительных идей, т. е. идей И. Я. Яковлева. Отмечая — точно в духе И. Я. Яковлева — тяжелую жизнь чувашских масс, в прошлом придавленных не только материальной нуждой, но и религией и невежеством, К. В. Иванов констатирует, что чувашам чуکلенья киреметям ничего не дают; «Нынче боги не берут воздаяний из наших рук!» — пишет Иванов. И дальше:

Времена испортились,
Заблудился совсем разум:
То ль татарами нам стать,
То ли в край чужой бежать?
Но нашелся человек добрый,
Изменилось совсем время.
Мы пошли путем другим,
Вышли на землю другую.
До сих пор, не будь он с нами,
Что бы стало с чувашами?..
Добрый чуваш за дело взялся,
Добрым делом он занялся.
Чувашам родным по-братски
Словом подлинно чувашским
Сердце, душу тронул он,

Взволновал он сердце всех,
Но того важнее — вызвал
Размышленья обо всем.
Это ль век не новый? Да,
Пошла у нас новая жизнь»...
(с.с. 264—267).

(Поправки к переводу Хузангая наши. — И. К.)

Затем идет речь о том, что «много школ открыли», «книг родных поток идет; у чуваш глаза все шире открываются, и в мире видят многое они».

Хвала И. Я. Яковлеву за его усердие в деле просвещения чувашей сопровождается критикой тех, кто эгоистические интересы ставит выше интересов народных:

...Иные чуваш,
Люди черственькой души,
Тоже зашевелились,
Встали да и заявили:
«Нам чинов бы поважней,
Стать бы барами скорей».
Жизнь отдаст такой вот ради
Светлых пуговиц в наряде.
Свой язык не признает
И родных не узнает,
Сердце смерзлось у него,
Трупом пахнет от него.
(с.с. 268—269).

(Перевод Хузангая с нашими поправками. — И. К.)

Стихотворение поэт заканчивает горькими размышлениями о положении народа:

Мало того, пришли в народ
И нехватка, и нужда.
Дни пришли недоделаний,
Годы голода, страданий.
Теснота и недород —
Хлеба нам не достает.
(Надо б, если голод жадный
Забредет во двор хоть задний,
С кочергою всем к нему
Выйти, в бороду ему
Плунуть, чтоб закрыл свой рот он,
Да и выгнать за ворота).
Терпит еще наш народ,
До конца он не дошел.
В дни, когда пиры справляют,
Пьют, едят и угощают,—
Песни все распевают,
И звенит смех сквозь слезы,

О, чувац! Когда чудесной
Песней сердце вдохновляешь,
О чем больше думаешь?
Что душу тебе гнетет?
Чем твои глаза искрятся:
Радостью или слезой?

(с.с. 268—271).

(Перевод Хузангая с нашими поправками. — И. К.)

Из сказанного неоспоримо ясно, что К. В. Иванов глубоко переживал угнетенное положение народных масс, он жил идеями национального освобождения и равноправия чувашского народа, развития чувашской национальной культуры. Он видел страдания народные, сочувствовал народной массе, презирал увлеченье жадной капиталистической наживы. Он был патриотом и гуманистом. В своем творчестве Иванов осваивал народную мудрость, его устные художественные творенья, но, надо сказать, не полностью освободился от патриархальной крестьянской ограниченности. Это поставило его между Яковлевым и чувашскими революционными демократами-хыбаровцами. В этом смысле можно сказать, что он примыкал к революционным демократам; это однако не сделало из него революционера, до конца последовательного демократа-социалиста. Он, хотя видел и ярко показал наличие розни между богатеями и беднотой (это отличало его и от Яковлева, и от чувашских националистов, роднило с революционными демократами), все же не мог указать верного пути избавления от угнетения человека человеком — решительной классовой борьбы трудящихся против угнетателей как в масштабе всей России, так и внутри самих чувашей; он проклинал деньги, как шайтана, но против них, кроме взывания к разуму, в его арсенале ничего не было. Он оставался в рамках народнического утопического социализма, хотя и делал шаги в направлении марксизма. Вся мощь его позиции строилась на критическом реализме. Прав А. В. Долгов, отметивший, что К. В. Иванов был поэтом народным, был большим гуманистом своего времени, но он не дорос до социалистического гуманизма («Тăван Атӑл», 3, 1960, с. 92), так как социалистический гуманизм, кроме проповеди человеколюбия, непременно требует открытого и правильного указания на то, как можно добиться того, чтобы все